

Н. С. ПОСПЕЛОВ

О ПУНКТУАЦИИ В ТЕКСТАХ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА

В новом издании программы Наркомпроса для средней школы указан для каждого класса целый ряд произведений Пушкина, которые не только должны быть разобраны на уроках литературы, но предлагаются и как материал для заучивания наизусть. Само собой разумеется, что школьное изучение Пушкина требует прежде всего точных, общепринятых текстов, обеспечивающих правильное понимание произведения и учащимся и преподавателем. Поэтому вопрос о пунктуации в текстах Пушкина, указанных как объекты изучения в школе, имеет для преподавателя очень большое значение. В настоящее время, помимо школьных хрестоматий, мы располагаем большим количеством изданий Пушкина, в подготовке к печати которых часто принимали участие видные пушкинисты. И, однако, мы в ряде случаев не имеем еще вполне устойчивых в отношении пунктуации текстов произведений Пушкина. Между редакторами отдельных изданий, опирающимися на одни и те же источники текста, очень часто наблюдаются расхождения в отношении пунктуации¹. В конце концов каждый редактор по-своему устанавливает пунктуацию текста. Поэтому и те стихотворения, которые школьники должны разбирать в классе и заучивать наизусть, в большинстве случаев еще не имеют общепризнанной пунктуации. В конечном итоге для каждого литературного текста возможна только одна пунктуация — пунктуация, наиболее точно отражающая композицию текста.

Задачей настоящей статьи и является обнаружить на материале изданий 1935 г., как велики расхождения в области пунктуации в отношении ряда стихотворений, указываемых в программе как материал для разбора и заучивания наизусть.

В V классе разбирается и заучивается стихотворение «Узник». Первые две строфы этого стихотворения в разных изданиях даются в различной пунктуации. Пунктуация автографа воспроизведена в одноименные (А. П у ш к и н — Сочинения, ред. Б. Томаневского. Л., 1935 г.).

¹ См. статьи Благого и Винокура в № 2 и 3 журнала «Литературный критик».

Сижу за решеткой в темнице сырой.
 Вжоромленный в неволе орел молодой,
 Мой грустный товарищ, махая крылом,
 Кровавую пищу клюет под окном.
 Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
 Как будто со мною задумал одно.
 Зовет меня взглядом и криком своим
 И вымолвить хочет: «Давай улетим!»
 Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
 Туда, где за тучей белеет гора,
 Туда, где оинеют морские края,
 Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

В автографе («Рукописи Пушкина», СПб, 1811) знаки препинания расставлены очень тщательно и отсутствуют только три запятые перед союзом *и* в последней строфе. Пунктуация Пушкина отражает композицию текста всего стихотворения, разделяя его пополам точкой в середине второй строфы. В первой половине стихотворения двоеточием сопоставляется судьба узника с судьбой орла. Другую особенность пунктуации в этом стихотворении составляют запятые в конце первой и начале второй строфы:

Кровавую пищу клюет под окном,
 Клюет, и бросает, и смотрит в окно,

которыми указывается, что союз *и* употреблен здесь Пушкиным в обоих случаях как присоединительный и что вся первая строка второй строфы разбивается на три синтагмы (клюет, и бросает, и смотрит в окно), и посредством запятой присоединяется к первой строфе. Однако в шеститомном издании ГИХЛ (М.—Л., 1935 г.) и в девятитомном издании «Academia» М., 1935 г., ред. М. Цявловского), в отступление от автографа, все это стихотворение получает совсем другую композицию текста: первая строка отрывается от последующих точкой, и в конце первой строфы тоже стоит точка, запятая после «клюет» снимается, и слова «клюет и бросает» произвольно соединяются в одну синтагму, так что союз *и* рассматривается как соединительный.

В «Избранной лирике» Пушкина (М., 1935 г., ред. Д. Благого) знаки препинания дают иную композицию текста, отличную и от автографа и от печатного текста шеститомника. Здесь первая строка стихотворения заканчивается точкой, в конце первой строфы сохраняется запятая автографа, а в середине второй строфы вместо пушкинской точки поставлена точка с запятой, чем резко нарушается композиция текста в автографе, четко разделяющем точкой все стихотворение на две половины в самой его середине. В «Хрестоматии по литературе», ч. II (для IV класса начальной школы), это стихотворение Пушкина получает еще одну новую особенность в пунктуации: в конце первой строки в первой строфе стоит запятая, и, таким образом, направляется смысловое объединение первых двух строк в одно предложение («Сижу за решеткой в темнице сырой,

вскормленный в неволе орел молодой...), как будто за решёткой сидит не узник, а орел.

Какой вывод можно сделать из наших наблюдений над пунктуацией стихотворения «Узник» в разных изданиях? Мы еще не имеем дефинитивного текста этого стихотворения, несмотря на наличие автографа с очень определенной и тщательной пунктуацией.

В том же V классе, где проходится «Узник», заучиваются наизусть стихотворения «Зимнее утро» и «Туча». «Зимнее утро» тоже еще не имеет устойчивой пунктуации. Так, например, четвертая строфа этого стихотворения в одномомнике печатается следующим образом:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь —
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

В шеститомнике тире заменено точкой, а в «Учебнике для V класса средней школы» Голубкова и Мирского эта строфа получила такой вид:

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки,
Но знаешь, не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Совершенно очевидно, что общая композиция текста в каждом из трех изданий разная и что разбирать и читать эту строфу приходится по-разному, в зависимости от различий в пунктуации.

Стихотворение «Туча» тоже имеет различную пунктуацию в разных изданиях. Вторая строфа этого стихотворения в «Учебнике по литературе» Голубкова и Мирского дается в такой пунктуации:

Ты небо недавно кругом облетала,
И молния прозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный гром,
И алчную землю поила дождем.

В одномомнике и в шеститомнике эта строфа имеет такой вид:

Ты небо недавно кругом облетала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Получается совсем другая композиция текста строфы: там простое перечисление четырех идущих друг за другом предложений, а здесь сопоставление молнии и грома.

Из стихотворений, предлагаемых программой для заучивания наизусть в VI классе, остановимся на трех: «Кавказ», «Песнь о вещем Олеге» и «В Сибирь».

«Хрестоматия по литературе» Цинговатова и Ротковича печатает «Кавказ» по шеститомнику, который в отношении пунктуации в нескольких местах расходится с однотомиком. В шеститомнике, например, вторая строфа этого стихотворения напечатана так:

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сани,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

В однотомнике первые три строки даны иначе:

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них низвергаясь шумят водопады,
Под ними утесов нагие громады.

Здесь мы имеем разницу не только в композиции текста, но и в самом смысле высказывания. В шеститомнике *водопады шумят сквозь тучи*, а в однотомнике *сквозь тучи низвергаются водопады*; в шеститомнике *утесов нагие громады* составляют отдельное звено общей картины, а в однотомнике *водопады и утесы* объединены запятой в одно звено всей раскрывающейся с высоты картины.

В первых четырех строках этого стихотворения тоже наблюдаем расхождение между однотомиком и шеститомником: в конце второй строки в однотомнике — двоеточие, а в шеститомнике — точка с запятой:

Кавказ подо мной. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.

Двоеточием устанавливается логическое равновесие между образом стоящего наблюдателя и парящего орла, а точка с запятой устанавливает здесь ту связь между этими образами, что второй из них только дополняет первый в одной сложной мысли.

Вопрос, как здесь должны стоять знаки препинания, встает перед нами, как текстологическая проблема, и до специального ее разрешения остается открытым. И школа, значит, пока не имеет устойчивого текста стихотворения.

В «Песне о вещем Олеге» мы находим, между прочим, следующие расхождения между текстами однотомника и шеститомника, указывающие на наличие у редакторов различного понимания композиции текста.

Седьмая строфа в однотомнике печатается в пунктуации, мало обычной в настоящее время, указывающей на то, что во времена Пушкина эта строфа рассматривалась как период, первая часть которого, восторженная характеристика коня Олега, состоит из пяти строк, а последняя (понижение) — из одной строки:

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего.

В шеститомнике этот период разорван точкой, которая поставлена в конце четвертой строки, а двоеточие на переходе в шестой строке заменено точкой с запятой. В результате получается композиция текста, далекая от пушкинского замысла. В девятой строфе подобное же периодическое строение имеют первые четыре строки; поэтому в прижизненных изданиях Пушкина и стоит здесь двоеточие. Вот эти четыре строки по однотомнику:

Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.

Шеститомник и здесь, модернизируя пунктуацию, разрывает период точкой (после слова *время*) и вместо точки с запятой ставит без основания пояснительное двоеточие (после слова *отдыхай*):

Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время.
Теперь отдыхай: уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.

При такой расстановке знаков препинания все четверостишие опять получает совсем другую композицию текста, строфа теряет органическую связность своего периодического строения и обращается в простую последовательность двух предложений.

Послание «В Сибирь», напечатанное впервые в 1856 г., и не сохранившееся в автографе, тоже не имеет устойчивой пунктуации. В шеститомнике вторая и третья строфы этого стихотворения печатаются так:

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Пробудит бодрость и веселье,

Придет желанная пора:
 Любовь и дружество до вас
 Дойдут сквозь мрачные затворы,
 Как в ваши каторжные норы
 Доходит мой свободный глас.

(В этой пунктуации стихотворение дано и в «Хрестоматии по литературе» Цингватова и Ротковича). Обе строфы двосточием соединены в одно произносимое целое. А в однотомики строка «Придет желанная пора» выделена в самостоятельное предложение, отделенное точками от предыдущего и последующего. Вследствие отсутствия автографа или прижизненного печального текста вопрос о том, какую пунктуацию считать более правильной, приходится решать на основании анализа текста всего стихотворения. Это стихотворение, как правильно указывает Л. И. Тимофеев, «с точки зрения его интонационного построения представляет собой непрерывное нарастание выразительности, отвечающее его смысловому движению» (Л. Тимофеев — «Теория стиха». «Литературная учеба», 1936, кн. 2, стр. 53). Поэтому, если видеть в приведенных нами двух строфах последовательное развитие того, что уже высказано в первой строфе и окончательно раскрыто в последней строфе, где стихотворение достигает смысловой кульминации, то придется считать более правильной пунктуацию однотомика, которая особенно подчеркивает самостоятельное значение последней строки во второй строфе (*Придет желанная пора*), дающей общую формулировку основному чувству поэта, выраженному в этом стихотворении.

Стихотворение «Арион», напечатанное при жизни Пушкина анонимно, без его подписи, тоже имеет спорные моменты пунктуации. В хрестоматии «Русская литература», ч. I, Бродского и Кубикова, последние шесть строк печатаются так:

Погиб и кормщик, и пловец —
 Лишь я, таинственный певец,
 На берет выброшен грозюю,
 Я гимны прежние пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнце под скалою.

При такой пунктуации первая строка не имеет самостоятельного значения и служит только вступлением к последующим строкам, изображающим судьбу певца. В шеститомнике первая строка заканчивается восклицательным знаком и получает самостоятельное и отдельное значение восклицания, выражающего отношение поэта к судьбе погибших пловцов «Погиб и кормщик и пловец!». В однотомики, воспроизводящем текст первопечатного издания, к восклицательному знаку присоединяется тире, конечное тире пушкинской эпохи, еще сильнее выражающее самостоятельное значение этой строки. В отдельном издании «Стихотворений» Пушкина (ГИХЛ, 1935, ред. С. Шувалова, эта же строка кончается лишней всякой экспрессии точкой. Исходя из анализа текста, наиболее

правильной следует считать пунктуацию этой строки в однотомике, не только эмоционально подчеркивающую судьбу погибших (1), но и резко (—) отделяющую ее от судьбы поэта. В школьном или массовом издании можно ограничиться здесь постановкой восклицательного знака, но не оставлять одно тире, как предполагает рецензент «Стихотворений» Пушкина, (ГИХЛ, 1935, во «Временнике Академии наук СССР». М.—Л., 1936, стр. 329). Впрочем, еще лучше и в массовых изданиях держаться пунктуации, может быть, менее обычной,

Автопортрет А. С. Пушкина

но более соответствующей составу текста и нормы пунктуации пушкинской эпохи, как это, например, делает Благой в издании «Избранной лирики», правда, не всегда вполне последовательно. Шеститомное издание Пушкина, во многих других отношениях являющееся в настоящее время образцовым, именно в отношении пунктуации не является таковым.

Пунктуация в пушкинских текстах должна, конечно, опираться на анализ композиции текста с точки зрения норм пунктуации пушкинской эпохи и самого Пушкина. Нельзя соглашаться с необоснованной нивеллировкой и модернизацией первопечатной и рукописной пунктуации пушкинских текстов. А, между тем, шеститомник дает много примеров подобной нивеллировки. Так, в пятой строфе послания «К А. П. Керн» шеститомник без достаточного основания в анализе самого текста заменяет двоеточие точкой.

Вот как напечатана эта строфа в шеститомнике:

Душе настало пробужденье.
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты

Но поставить в конце первой строки точку — не значит ли придать «пробуждению» общий и замкнутый смысл, отделить его от последующего как особый акт, тогда как здесь в «пробужденье» уже с самого начала вкладывается и дальнейшее (*И вот опять явилась ты...*). Поэтому пунктуация однотомика, дающая в конце этой строки двоеточие, кажется нам более обоснованной анализом текста, хотя, разумеется, и менее обычной.

Подобной же необоснованной нивеллировкой пушкинской пунктуации следует считать пропуск редактором «Избранной лирики» (М., 1935) запятой в стихотворении «Вновь я посетил» в предложении:

..... По той дороге
Теперь поехал я и пред собой
Увидел их опять (стр. 353)

Здесь запятая перед союзом *и*, обычная в таких случаях у Пушкина, может быть обоснована тем, что перед нами два отдельных высказывания, указывающих на два действия, отделенные друг от друга явной логической и хронологической паузой.

Особенного внимания заслуживает пунктуация в стихотворении «*Пора, мой друг, пора!*» известного в автографе, но не печатавшегося при жизни Пушкина. Однотомник дает это стихотворение в пунктуации подлинника с сохранением характерного пушкинского тире — знака логической паузы, а шеститомник везде заменяет это тире запятыми. Достаточно сравнить первую строфу этого стихотворения, как она печатается в том и другом издании, чтобы убедиться в невозможности подходить к тексту этого стихотворения с мерками школьной пунктуации, лишая этот текст тех логических и ритмических пауз, которые и выражаются этим тире.

В однотомнике:

Пора, мой друг, пора! (покоя) сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый день уносит
Частичку бытия — а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить — и глядь — как раз — умрем.

В шеститомнике:

Пора, мой друг, пора! (покоя) сердце просит,
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз умрем.

В этом тире чувствуется живое дыхание поэта, и уничтожить его значит в какой-то мере обесмыслить весь пушкинский текст.

Мои выводы

1) Пунктуация во многих пушкинских текстах, которые должны разбираться и заучиваться в школе, еще не установлена.

2) Вопрос о пунктуации в пушкинских текстах, в частности, о пунктуации в текстах Пушкина, разбирающихся в школе, должен быть поставлен как неотложная текстологическая проблема.

3) Необходимо охранить тексты Пушкина от модернизации, так как всякое изменение установленной авторской пунктуации нарушает композицию текста и тем самым меняет и его общий смысл.

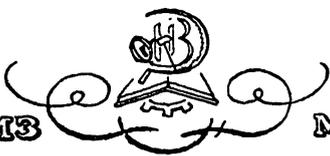
ЖУРНАЛ „РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ“

СТИЛЬ И ЯЗЫК
А. С. ПУШКИНА

(1837 - 1937)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. К. А. АЛАВЕРДОВА

УЧПЕДГИЗ МОСКВА
1 9 3 7